

ГЛАВА 9

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ГРАНИЦ КАК ИСТОЧНИК «КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ишкова Марина Александровна

кандидат психологических наук

Оренбургский государственный университет (филиал), Орск

Тавашев Виктор Аркалыкович

кандидат философских наук

Московский финансово-юридический университет МФЮА (филиал), Орск

Постановка и решение капитальных проблем современности возвращает исследователей к идее «границы», первоначально оформившейся в философии и «соучаствующей» в становлении не только психологической мысли, но и научной мысли социологии, политологии, культурологии. Граница, как категория междисциплинарная, становится универсальным явлением, изучение которого позволит решить множество проблем, поставленных на данном этапе развития науки и общества. Так, в современных реалиях, в процессах интенсивного преобразования общества мы наблюдаем манипулирование границами: либо их размывание там, где присутствие границ необходимо, либо формирование новых границ, не соответствующих реальности. Это приводит к возрастающей напряженности в формировании нравственных, культурных, исторических ценностей, норм поведения, приводящей к драматическим последствиям для личности, культуры и общества в целом.

Между тем объективно наука располагает не только потребностью, но и ресурсами развития идеи «границы» как движущего начала существования и становления человека и общества. В современной философии дается следующее определение границы: «*Граница* – то, что отделяет один предмет от другого. Граница бывает *пространственная, временная и качественная*. Каждый предмет содержит в себе границу. Один протяженный предмет отделен от другого частью пространства» [8]. Выделяется особо качественная граница. Качественная граница есть та определенность предмета, в силу чего он именно тот предмет, а не другой.

Граница рассматривается не только в связи с *различением, отделением и изоляцией*, но и как основа *связи* предметов. «Она характеризует ту

сторону предмета, благодаря которой он зависит от других определенных предметов, обуславливается ими» (Г. Шушанашвили). Граница, определяя предмет, полагает его *конечность*, через показатель конечности предмета выражается диалектичная природа границы, поскольку предмет существует, изменяясь, переходя в другой предмет.

Все эти выводы, данные Г. Шушанашвили относительно понятия границы, касаются в первую очередь объекта, и только его. Возможность применения идеи границы, достигнутой философской мыслью, к субъекту деятельности была осуществлена в работах В.А. Андрусенко при онтологическом анализе социального страха: «...нечто не может вечно пребывать в своих границах, оно начинает противоречить самому себе, выводиться из первоначального состояния и гнаться дальше себя. То есть любое нечто обладает внутренней экстраполябельностью, способностью на экспансию своего качества» [1, с. 27].

Впервые важный для психологического исследования мотивационный фактор границы как ведущий в становлении Я выделился в философии Фихте. *Рефлексия – Граница – Желание* тесно взаимосвязаны в этом мотивационном процессе. Анализируя принципы жизни и сознания, Фихте вновь возвращается к первопричине движения: из того, что «принцип жизни и сознания, основание его возможности, содержится в Я, еще не возникает эмпирической жизни во времени, для этого нужен особый толчок на Я со стороны не-Я. (Эта сила только *чувствуется*, но не познается конечным существом.)» Толчок чувствуется, то есть субъективен. Желание невозможно без ограничения. «Без ограничения нет желания», – заключает Фихте [16, с. 309]. Здесь Фихте обосновывает идею единства бытия [16]. В противоположении сливаются (на границе) взаимо-члены. *Граница полагается чувством*, следовательно, лежащие за пределами границы нечто должны начинаться в «границе». Во взаимоопределении на границе Я взаимо-члены Я и не-Я сливаются, составляя единое.

Дальнейшее развитие категории границы было осуществлено Гегелем с позиций трансцендентального идеализма. Феноменологический замысел Гегеля состоял в том, чтобы показать становление сознания как процесс преодоления предметности и превращения его, сознания, в абсолютное знание. Продолжая идею границы Фихте, Гегель качественно изменил подход к ней. Размышляя над природой развития, Гегель выводит его источник – *противоречие*, «корень всякого движения и жизненности» [3, с. 520]. Противоречие выступает в качестве источника самодвижения и развития, является его «внутренним импульсом». Принцип противоположения находит свое продолжение в диалектике Гегеля. Сущность развития заключается в раздвоении единого на противоположности. Граница – определяющая сторона каждого и одновременно единство противоположностей.

Граница в философии Гегеля, в отличие от границы в понимании Фихте, несет в себе *качественную* характеристику бытия. В философской линии Гегеля граница определяется как противоречивое, диалектическое начало бытия: «Отрицание есть в наличном бытии, еще непосредственно

тождественно с бытием, и это отрицание есть то, что мы называем границей. *Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть*» [3, с. 230]. По Гегелю, границу невозможно рассматривать только внешне к наличному бытию, она есть в самом наличном бытии. В этом случае речь идет не о количественной, а о качественной границе (как характеристике состояния наличного бытия).

Рассматривая природу конечного (имеющего свой предел), Гегель отмечает его изменчивость: «Все конечное подвержено изменению..., в изменении обнаруживается внутреннее противоречие, которым наличное бытие страдает с самого начала, которое заставляет последнее выходить за свои пределы» [2, с. 231]. Именно в этом внутреннем противоречии, заложенном в изменении конечного, кроется движущая сила, изменяющая его. Гегель отмечает, что «изменчивость видится представлению в качестве только возможности, реализацию которой не имеет основания в нем самом» (наличном бытии – *уточнено нами*). Возможность лежит, следовательно, за пределами наличного бытия, «мысль о ней есть выход за пределы наличного бытия», ибо «мысль о каком-либо нечто влечет за собой мысль о другом, и мы знаем, что имеется не только нечто, но и также еще и другое» [3, с. 231]. Мысль выступает здесь как идея, как преобразующая сила, заложенная в нечто. Так, в анализе движения познавательного процесса, Гегель обращается к рефлексии как источнику этого движения: рефлексия *выходит за пределы своих разделяющих определений* и соотносит их. Это «возвышение» разума над своей ограниченностью есть результат движения рефлексии мысли, устраняющей ограничения. Форма, таким образом, содержит в самой себе процесс *определения себя*, то есть сообщения себе *содержания* в виде системы определений мысли (только самими мыслями) [3, с. 118]. Из этого следует единство мысли и содержания, естественно вытекающих друг из друга. Это положение, определенное Гегелем, важно для проведения дальнейшего анализа проблемы границы, которая непосредственно связана с обеими категориями. Имеется в виду граница *нечто*, отделяющая его от *иного*. Исследование возникновения самого процесса *определивания*, который происходит благодаря наличию границы, опирается на основные философские категории бытия.

Гегель доказывает, что определенность также есть *свойство*. Свойство есть в нечто то, что изменяется, но сохраняет себя в этом изменении как свойство нечто. Поскольку определение есть момент нечто, его качество, то определение не совпадает со свойством. В таком случае определенность объединяет и определение, и свойство. Связь определения и свойства осуществляется во взаимодействии нечто и иного. «*Переход* определения и свойства друг в друга – *это, прежде всего, снятие их различия*» [3, с. 187].

В этом анализе Гегель вплотную подходит к пониманию границы как *прекращения в внутри-себя-бытия инобытия*. Внутри-себя-бытие – это небытие инобытия, отрицательно относящееся к бытию. С одной стороны, одна определенность тождественна с внутри-себя-бытием (нечто как отрицание отрицания), с другой стороны, она же (эта определенность) смыкает

и одновременно отделяет бытие и инобытие (так как они отрицают друг друга) – это и есть *граница*.

Таким образом, граница есть определенность, с одной стороны, бытия, с другой стороны, инобытия; она тождественна с «в-себе-бытием» и есть прекращение в нем иного (через нее нечто само противопоставляет себя иному). Одновременно наличное через границу переходит в инобытие, отрицая себя. Но и инобытие, в свою очередь, через границу с нечто определяет себя, отрицая нечто. *Граница выступает в качестве разделения и смыкания нечто и иного, составляя «общность всякого нечто со своим иным»* [2, с. 188]. Граница выдвигается как «качественное отрицание иного». Гегель обращается к границе как изначально содержащей в себе противоречие: «...следует присмотреться к развитию /Entwicklund/ этого понятия, каковое развитие, впрочем, скорее оказывается запутанностью /Verwicklund/ и противоречием. *Противоречие сразу же имеется в том, что граница как рефлексированное в себя отрицание /данного/ нечто содержит в себе идеально моменты нечто и иного, и в то же время они как реально, качественно различные»* [4, с. 188].

Противоречие, порождающее движение, заставляет нечто и иное взаимодействовать между собой посредством границы. Поскольку граница определяет нечто, она никуда не исчезает, оставаясь сама собой как противоречие, *порождая новое движение*. Данное положение Гегеля приводит к мысли о границе, заключающей в себе противоречие, как онтологическом источнике движения, развития. Какое же качество содержит в себе граница? Или точнее: какова определенность границы как качества наличного бытия?

Исход того положения, что нечто имеет границу прежде всего как небытие иного, позволяет определять границу как ограничение сущего нечто от иного. Таким образом, *граница-ограничение* существует как качество нечто, не более того. Далее, учитывая иное, также включенное в наличное бытие и выступающее как отличное нечто, можно утверждать, что граница выступает как ограничение этого нечто от первого нечто. Поскольку в границе смыкаются отрицания обоих нечто как бытия друг в друге, «она есть небытие как первого нечто для второго, так и второго нечто для первого – т.е. граница есть небытие всякого нечто вообще» [4, с. 189].

Небытие есть «ничто», которое не терпит «нечто» (наличное бытие), стремящееся к становлению. Само «становление» есть «переход», есть сущее в гегелевском понимании: «Нечто имеет свое наличное бытие *вне* (или, как это так же и представляют себе, *внутри*) своей границы; точно так же и иное, так как оно тоже есть нечто, находится вне ее. Она – середина между ними, в которой они прекращаются. Они имеют свое наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы; граница как *небытие* каждого из них есть иное обоих» [4, с. 190]. Из этого следует, что граница есть нечто *третье*. «Где бы и как бы ни шла речь о бытии или нечто, – отмечает Гегель, – непременно должно наличествовать третье; ведь бытие и нечто существуют не сами по себе, а лишь в *становлении*, в этом третьем». Далее

Гегель отмечает: «...но это третье имеет многообразные эмпирические образы...» [4, с. 153].

Таким образом, граница как небытие не только определяет наличное бытие, но и вызывает его (наличного бытия) становление.

Возвращаясь к тому положению, что граница сохраняет нечто, благодаря выделению его качества из наличного бытия, отделяя его от любого иного, можно сказать, что она «ограничивает» нечто. Однако граница есть «сама лишь бытие нечто»: благодаря ей нечто есть то, что оно есть, имеет в ней свое качество» [4, с. 189]. Благодаря этому нечто есть *определенность*.

Заполняя собой свои границы, нечто, таким образом, *стремится выйти за пределы* (так как граница выступает еще и как предел) самого себя. Таким образом, происходит «выход нечто за предел» самого себя.

Для обоснования последнего утверждения необходимо обратиться к анализу понятий *предел* и «*выход за предел*». Гегель трактует предел следующим образом: «Для того, чтобы граница, которая вообще есть во (всяком) нечто, была *пределом* нечто, должна в то же время внутри самого себя переступить ее, в самом себе соотноситься с ней как с некоторым несущим» [4, с. 195]. Граница, как мы ее понимаем, в самом определении есть предел *конечного* нечто, предел есть ее момент. Но граница не есть предел в понимании ее как «третье», находящееся между бытием и иным. Предел – это *собственная граница* нечто. Нечто, переступая предел (как собственную границу), тем самым переступает через само себя. Через границу нечто, как конечное, переступить не может, граница всегда находится *рядом*. (Перейти границу в третьем ее понимании так же просто, как перейти собственную тень.)

Итак, говоря о «выходе» за границу, мы должны различать *собственную* границу нечто как конечное (*границу-предел*) и границу, качественно определяющую нечто. О «выходе за предел» Гегель говорит: «...если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному вообще как к его неограниченному, иное некоторого предела как раз и есть *выход* за этот предел» [4, с. 195].

В связи с тем, что мы, говоря о «выходе за пределы», «выходе за границу», используем термин «переход», необходимо его уточнение. *Переход* в гегелевской философии есть «то же, что и становление, с той лишь разницей, что оба (момента), от одного из которых совершается переход к другому, в становлении представляют себе скорее как находящиеся в покое друг вне друга, а переход – как совершающийся *между* ними».

Выход за границу предопределен всякому нечто уже потому, что нечто содержится в своей границе и содержит противоречие самому себе: «Другое определение – *беспокойство*, присущее (всякому) нечто и состоящее в том, что в своей границе, в которой оно имманентно, нечто есть противоречие, заставляющее его выходить за свои пределы. Граница динамична постольку, поскольку содержит в себе свое определение».

Представление о рассматриваемом явлении – «выходе за границу» – в области исследования субъекта в первую очередь связано с процессом мышления» [3, Т. 8, с. 10]. Мышление в этом случае реализует «в высшей степени важный диалектический момент, который характеризует и абсолютно первый дух, и логическую идею как нечто абсолютно беспокойное, как «чистую деятельность», ту деятельность, «посредством которой объект, кажущийся чуждым, ... приобретает форму чего-то ставшего внутренним, субъективного, всеобщего, необходимого и разумного». Мышление рассматривается Гегелем как движущая сила «самореализации» мыслимой идеи (мысли) в предметной деятельности – в «объективной действительности».

Существует еще одно значение мышления в гегелевском понимании – мышления как средства самопознания логической идеи («чистые мысли»), где мысль познает не только внешнее, иное, относительно мыслящего нечто (в том числе и самого рефлексирующего), но и саму мысль, и здесь, действительно, мысль находится *на границе*, есть становление нечто, посредством нее осуществляется переход, выход за пределы внутреннего (наличного) бытия.

Такое «пограничное» состояние мысли порождает бесконечное ее *самодвижение*. Ограничить мысль заданным невозможно.

Побудительной причиной деятельности мышления является *абсолютная идея*. Абсолютная идея Гегеля есть «подлинно всеобщее всего природного и также всего духовного..., выходит за пределы всех их и составляет основание всего». Абсолютная идея в нашем представлении есть *недостижимый предел* «всеобщего» значения.

Таким образом, опорная для нас идея причинности границы находит свое глубокое развитие у Г. Гегеля, который видит в границе источник движения; этот источник – заключенное в ней противоречие. Обращаясь к границе как изначально содержащей в себе противоречие, заставляющее нечто и иное взаимодействовать между собой, Гегель трактует границу как «общность всякого нечто со своим иным». Для нас существенно, что граница раскрывается Гегелем как то, что включает в себе не одно, а несколько как бы перетекающих друг в друга значений, таких, как *предел*, *переход*, *связь* («предел» есть собственная граница нечто, «прекращение в нем иного», качественное его отрицание; «переход» снимает различия между нечто и иным; «связь» знаменует общность нечто и иного, «содержит в себе идеально» эти моменты). Показано, что впервые именно Гегель (сохраняя в дальнейшем не только первенство, но и единственность авторства) обращается к идее границы в качестве ключевой при интерпретации категории «развития», берущейся глобально, вообще, применительно к бытию и мышлению в равной мере.

В рамках экзистенциально-феноменологического направления исследований, термин «граница» раскрывается неоднозначно, однако всеми авторами используется в контексте рассмотрения природы трансценденции, выхода человека за пределы себя. Подход к осмыслению границы определился в трудах таких мыслителей, как Ф. Ницше, С. Кьеркегор, К. Ясперс,

Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин, И.А. Ильин, Ж. Лакруа, Х. Ортега-и-Гассет, П.А. Флоренский, Л. Шестов, С.Л. Франк и др. Философия экзистенции акцентирует имманентность движения, присущего «границе», характеризующегося своей процессуальностью, «всегда-не-завершенностью».

Наиболее полно отражен онтологический статус феномена границы в бытии субъекта (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, М. Хайдеггер). Ж.-П. Сартр, рассматривая природу трансценденции, указывает на то, что «человеческая реальность» есть превосхождение себя с помощью того, чего ей недостает, «превосхождение к тому особому бытию, коим она была бы, если бы была тем, что есть. Человеческая реальность изначально существует как недостаточность... Она овладевает своим существованием как неполным бытием». Превосхождение себя есть выход за свои границы, стремление к осуществлению этого выхода заложено в изначальной недостаточности бытия человека. Сартр вводит действие мотива, которое в отличие от чисто субъективных побуждений возникает в определенной ситуации. Мотив рождается в некоторый момент, и одним из условий его возникновения является человеческая недостаточность, которая существует как предел наличного и включает границу как качественную свою характеристику. Ж.-П. Сартр всякое творение связывал с явлением на стадии перехода: «Творение может пониматься и сохраняться только как непрерывный переход от одной границы к другой».

В философии познания К. Ясперс рассматривал границу в качестве перехода в бытии субъекта – «переход как выражение бытия»; далее он отмечал, что подлинное понимание «всегда находится в некоем переходе» и возникает только в определённых границах, из которых всё исходит, однако сама граница «становится неопределённым, не могущим быть показанным предметом». Говоря о познаваемости мира, К. Ясперс указывал: «...радикальные трудности выявляют границы знания, а именно то, что мир в своей целостности <...> не только не ускользает от познания, но и вообще не существует для нас как непротиворечивый и доступный опыту» [20].

Русскими философами раскрыт сложный характер одного из основных смыслов границы – смысла перехода. Бытие на границе как *претерпевание* – уникальное и непосредственно переживаемое – в русской философии представлено в работах Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Л. Шестова, С.Л. Франка, И.А. Ильина, А.Ф. Loseва.

В рамках рассмотрения русской философской школы прежде всего можно выделить такого мыслителя, как М.М. Бахтин. Одной из основных идей, определяющих его философию, является идея существования «над-бытия» (сознания). Важнейшие акты, конституирующие сознание, определяются отношением его к другому сознанию – «ты». Разграничение бытия начинается с появления в нем *сознания*: Сознание и есть «нечто абсолютно новое», отличное от самого бытия, есть «над-бытие». В над-бытии нет ничего от прежнего бытия, «но все бытие существует в нем и для него» [2, с. 360].

Соотношение «бытие – «над-бытие» аналогично, по мнению М.М. Бахтина, соотношению сознания – самосознания. «Это аналогично проблеме самосознания человека... Здесь появляется абсолютно новое: над-человек, над-Я...» [2, с. 360].

Важнейшую роль в возникновении и становлении самосознания играет встреча с другим сознанием. Контакт «Я-Другой» определяет развитие «Я-для-Себя». Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, «на пороге», вызывает становление, определяет Я: «...каждое внутреннее переживание оказывается на *границе*, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность» [2, с. 330].

Граница Себя для Бахтина включает *порог Другого* и разделяет внутреннее, то, что является над-бытием, от внешнего, того, что есть бытие. При этом бытие включает Другого как объект бытия. «Другой человек для меня весь в объекте, и его Я – только объект для меня» [2, с. 39].

Еще одну важную особенность границы «для-субъекта» отмечает М.М. Бахтин: в позиции Меня как субъекта граница *не определена*. Субъект не может воспринимать себя всего как ограниченное, конечное нечто. «Я могу помнить себя, могу частично воспринимать себя внешним чувством... Но в этом акте самообъективизации я не буду *совпадать* с самим собой, *я-для-себя* останусь в самом акте этой самообъективизации, но не в его продукте, в акте видения, чувствования, мышления, но не в увиденном или почувствованном предмете. Я не могу всего самого себя вложить в объект, я превышаю всякий объект, как *активный субъект* его» [2, с. 39].

Через представленность границы-ограничения «для-меня» М.М. Бахтиным определяется еще одно условие восприятия ограничения: «... необходимым коэффициентом всякого восприятия и представления моей внешней выраженности является сознание того, что это не весь я... самое существенное в действительном переживании себя остается за бортом внешнего видения». *Несовпадением* самим с собой превышение Я всякого объекта определяется активностью самого субъекта. М.М. Бахтин уточняет, что неисчерпаемость, безграничность субъекта состоит не в отсутствии границ как таковых для него, а в их *подвижности, временности*. «Я сам весь внутри своей жизни, и если бы я сам каким-нибудь образом увидел внешность своей жизни, то эта увиденная внешность тотчас станет моментом моей изнутри (переживаемой) жизни, обогатит ее имманентно, то есть перестанет быть действительно внешностью, извне завершающей мою жизнь, перестанет быть границей, могущей быть подвергнутой эстетической обработке, завершающей меня извне» [2].

Поскольку граница рассматривается Бахтиным как место встречи своего и чужого сознания, над-бытия и бытия, следовательно, граница – место встречи двух смыслов. При этом «не может быть «смысла в себе» – он существует только для другого смысла, то есть существует *вместе* с ним» [2]. Внутреннее сознание (над-бытие) не имеет само для себя границ, оно неогра-

ниченно, но существует порог иного, «смысловое предстояние себе» для субъекта, которого он стремится достичь.

Анализ воззрений М.М. Бахтина убеждает в том, что именно граница для него выступает в качестве локуса «несовпадения субъекта с самим собой», что является одной из ведущих сил активности самополагания. Кроме того, по М.М. Бахтину, не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, «*на пороге*», порождает развитие Я, переживается им и определяет его сущность. Активность, таким образом, не разделена строго на внешнюю и внутреннюю для самого субъекта, поскольку для последнего, в общем-то, не существует границы. Ведь всё увиденное в качестве «внешнего», говорит М.М. Бахтин, тотчас превращается во внутреннее состояние Я, становится моментом Я изнутри, порождая несовпадение Я с самим собой, что переживается и определяется активностью самого субъекта. Так возникает неисчерпаемость, безграничность субъекта, состоящая не в отсутствии границ как таковых, а в их подвижности, временности.

Психология, раскрывая идею «границы», выводит ее регламентирующую роль, внутреннюю детерминанту движения деятельности человека, определение через границу существования «Я». Развитие идеи «границы» как движущего начала существования и становления человека затрагивает проблему субъектности человека в качестве трансцендирующего существа (концепция субъекта психической деятельности К.А. Абульхановой-Славской, концепция индивидуальности А.Г. Асмолова, концепция «инверсионных действий» В.Т. Кудрявцева, концепция «полагающей рефлексии» В.И. Слободчикова и др.), во всех этих исследованиях ученые, по сути, имеют дело с «границей». Феномен «бытия на границе» человека имеет экзистенциальную составляющую: одновременно включает неопределённость в бытии и привлекавшие внимание многих исследователей человеческой природы своей противоречивостью свободу и необходимость.

Феномен границы, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение и к таким характеристикам социальных сред, как их открытость – закрытость, выделенных и проанализированных М.Ю. Кондратьевым; можно предположить, что многие нарушения социальной адаптации – дезадаптации обусловлены «*иррациональной тягой*» переступить порог ограничения и вместе с тем невозможностью осуществления этого. В этой связи закономерна потребность выявить, что представляет собой граница как имманентный источник активности, и почему, например, справедлива звучащая парадоксально мысль о том, что развивающее обучение и воспитание детей должны быть осмыслены как «*искусство создания предела*» (В.Т. Кудрявцев). В обыденном сознании термин «граница» связывается со многими понятиями, принимая различные значения. Граница – это и линия, разделяющая территории, рубеж, межа, грань, черта, линия, а также то, что служит разграничению в различных сферах человеческой деятельности, чувств, представлений и т.п. Граница также крайняя степень проявления чего-либо,

предел, мера. Неоднозначность и широта применения термина «граница» наводит на мысль о глубинной сути, «корневой» природе этого понятия.

В аналитической психологии К.Г. Юнг обращался к идее границы в значении «раздела», лежащего между различными влечениями, в частности, между ощущением и чувствами, сознанием и бессознательным, рациональным и иррациональным, материей и духом. «Здесь речь должна идти о чем-то серьезном, о *значительной силе*, способной действительно отделить индивида от противоположностей» [19, с. 150]. Юнг, анализируя выдвинутую Шиллером идею о «третьем влечении», отмечает: «Третий элемент, в котором сливаются противоположности, есть деятельность фантазии, с одной стороны творческой, с другой – воспринимающей» [19, с. 146]. Запечатление аффекта, испытываемого при нахождении «между» и «на» одновременно, может выступать в дальнейшем *символом* и само по себе является предметом *влечения*. Создание этого «нового» («между») возможно только в действии, в динамике жизни, иррациональным путем, считает Юнг.

Идея границы представлена в разработках психологии развития личности. Так, Л.И. Анциферова отмечает, что сфера истинного бытия человека как личности – это сфера его выхода за пределы себя. В.А. Лефевр, выводя алгебру рефлексивных процессов, рассматривал границу в качестве раздела между позициями субъектов, «персонажей» рефлексивного процесса [13].

Впервые психологическая трактовка *границы как источника движения деятельности* была заявлена при разработке теории неадаптивной активности [14]. В отличие от обыденного взгляда на границу как сдерживающее начало, в данной теории граница рассматривается как стимул активности, имеющей самоценный характер. Этот подход был отражен в целом ряде исследований (А.Л. Крупенин, А.П. Самонов, Е.В. Кузьмина; В.К. Калинин, Т.В. Корнилова). В данном направлении впервые выделилось понятие «*мотив границы*». Однако до сих пор остается открытым вопрос о самом влиянии «границы» на активность субъекта, механизме возникновения «мотива границы», его трансформации и роли в процессе возрастного развития личности как субъекта активности.

Мотив границы можно отнести к смыслообразующим мотивам личности, побуждающим человека к деятельности. Мы исходим из того положения, что «...сами переживания еще не открывают субъекту своей природы, хотя они кажутся внутренними силами, движущими его деятельность, их реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни, заставляют его как бы приостановить на мгновение поток своей активности, всмотреться в сложившиеся ценности, чтобы найти себя в них» (А.Н. Леонтьев) [8, с. 9].

Итак, возможны два этапа развития мотива границы: мотив-«аффект», рождающийся в результате первичных ориентировочных действий, развивающихся во вторичных выходах, и мотив-образ предметного содержания границы, означающий начало направленной деятельности. Выделение двух

этапов развития мотива границы условно и приближенно, поскольку здесь мы вплотную подходим к проблеме обусловленности мотива границы возрастным развитием, развитием системы личностных смыслов. Особое внутреннее отношение субъекта к границе предустановленного изменяется под воздействием динамики онтогенетического развития [8].

По нашему предположению, формирующим, базисным является мотив-«аффект», на основе которого определяется дальнейшее взаимодействие субъекта активности и границы предустановленного, становление и развитие отношения к выходу за границы виртуальной субъектности. Первичный выход за пределы заданного решает полезную задачу ориентировки на границе наличного, но в результате ориентировки происходит выход за эти границы, и в этот момент рождается чувство, которое не было зафиксировано никогда прежде – переживание катарсиса, необычного состояния. Это переживание приобретает уровень ведущего побуждения. Человек стремится к их воспроизводству в дальнейшем в ситуациях, когда он сам имеет возможность «провести» границу. Переживание момента выхода границ есть стимул к их преодолению в дальнейшем, выступающий на определенных этапах онтогенетического развития в качестве мотива деятельности [8].

Сказанным обуславливается активность обсуждения проблемы «границы» как ориентира (и источника) активности. Отметим также, что постановка и экспериментальное исследование этой проблемы отвечает внутренней потребности осуществления исследований в рамках психологии неадаптивной активности (В.А. Петровского и его сотрудников). Идея мотива границы была намечена ранее в теоретических разработках этого автора, а также в экспериментальном анализе явлений активной неадаптивности: мотив границы предположительно обнаруживает себя в таких феноменах, как «бескорыстный риск» (В.А. Петровский); «презумпция существования решения» (В.А. Петровский, Я.И. Шарага); эффект «Синей Бороды» (Е.И. Кузьмина); эффект стимуляции активности детей посредством регламентации (В.К. Калинин и др.). Однако никогда прежде идея границы как мотива не выступала в качестве предмета целостного теоретико-экспериментального исследования. Более того, исследование исчезновения границ, приводящего к неопределенности существования, к разрушению мотивационно-смысловых структур субъекта, незначительно представлено в научной литературе. Ситуация с объективностью неопределенности аналогична ситуации с объективностью субъективного. Поэтому-то с неопределенностью так и не смогла справиться ни одна наука [7, с. 7]. Самое сложное – понять, как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности и достигает определенности (эффекта, результата). Апогей неопределенности наступает в критической, непредсказуемой, чрезвычайной ситуации – ситуации «бытия-на-границе» (в области «пограничья»). Граница становится «местом» зарождения и актуализации целого круга проблем: проблемы перехода, смены состояний, установок сознания; проблемы отношения между различными культурными

ми нормами, традициями, системами ценностей; проблемы смысла, понимания, интерпретации, диалога, релятивизма и многих других вопросов, которые таятся в области «пограничья» [12]. Исчезновение границы приводит к неопределённости и незавершённости, порождая противоречия и точки бифуркации и т.п. Ситуация неопределенности экстремальна, границы состояний не ясны, что неизбежно вызывает изменение степени свободы, необратимость, изменение форм взаимодействия, конфликт.

Постановка проблемы границы в социологии, ее изучение определяется глубоким системным кризисом, который переживает современное мировое сообщество. Кризис – время неопределённости, и сама эта ситуация выдвигает требование перехода или выхода из состояния неопределённости, размытости границ. Таким образом, граница, её осмысление и понимание связанной с ней ситуации, превращается в проблему [12]. Категория социальной структуры общества, ключевая в структурном функционализме, предполагает наличие границ между социальными общностями как условие функционирования и воспроизводства социального порядка. Вместе с тем и конфликтологическая парадигма социологии не может обойтись без понятия границы: «кристаллизация» конфликта, по Р. Дарендорфу, предполагает осознание, то есть разграничение и противопоставление интересов конфликтующих сторон, а Л.А. Козер считает конструктивной функцией социального конфликта установление физических границ социальных групп [6; 10].

Тема границы неизбежно возникает при анализе процессов социализации вообще и политической социализации в частности. Одним из факторов стабильности политических систем в англоязычных странах является стратегия воспитания гражданского сознания у школьников. Она заключается в привитии с детства иммунитета к политическому радикализму. Классический либерализм, в отличие от современного «левого» либертариизма, предполагает гражданскую самодисциплину как необходимое условие политической свободы. Последняя трактуется как суверенитет личности и равенство всех перед законом. Причем суверенитет лица толкуется по аналогии с суверенитетом нации. В том и другом случае суверенитет – это самоопределение или, прозрачнее, *самоограничение*. В свете сказанного становится понятной мысль известного американского философа Р. Рорти: «Социализация должна предшествовать индивидуализации, и образование ради свободы не может начаться до того, как человек получит представление об определенных ограничениях» [15]. После «революции образов жизни» 1968 г. возрастной порог курсов «civics» в школах США был понижен до учеников начальных классов, и, как свидетельствуют сами американские социологи, сейчас многое в раннем обучении «больше *индоктринация*, чем образование» [15]. В современных обществах, принадлежащих к англосаксонской культурной традиции, идеи классического либерализма превратились в органический элемент консервативного мировоззрения. В свою очередь, консервативное мировоззрение питается чувствами риска, неопределенности и катастрофизма, которые порождаются ускорением темпов и

усилением интенсивности социальных перемен. Человек утрачивает чувство временной определенности, в основе которого – способность разграничивать прошлое, настоящее и будущее. Именно это состояние описывается О. Тоффлером как «футурошок». Нарастающий и ускоряющийся поток перемен приводит в кризисное состояние институты социализации и ставит под вопрос саму парадигму «вертикальной социализации», то есть ведущей роли семьи и образования среди агентов социализации. «Вертикальная социализация» начиная с 70-х годов прошлого века в значительной степени уступает «горизонтальной социализации», под которой понимается усвоение социальных ролей от «круга равных», то есть от сверстников.

Другой фактор, стимулирующий «горизонтальную социализацию» – размывание возрастной границы между статусами ребенка и взрослого. Древние общества не знали феномена переходного возраста. Переход из детского состояния во взрослое осуществлялся через обряд инициации. Позже в рамках христианской и иудейской традиций символическим окончанием детства становится таинство конфирмации. Возраст конфирмации – 13-14 лет – определялся как отроческий, то есть переходный. Таким образом, состояние подростковости как переход из одного социального качества в другое, стало продолжительным во времени и в итоге само трансформировалось в особое социальное качество, которое в эпоху позднего модерна стало восприниматься как самоценное. Проблему усугубляет увеличение разрыва между временем физиологического и временем социального взросления человека в современном обществе. Первое определяется достижением репродуктивного возраста, который снижается вследствие так называемой акселерации. Второе соответствует экономической независимости от родителей и способности создать экономический фундамент супружеской семьи, что в условиях длительной образовательной подготовки может стать вопросом отдаленной перспективы. В результате состояние перехода к социальному статусу взрослого у физиологически повзрослевшего человека может длиться до двадцати лет и занимать не менее четверти от общей продолжительности жизни. Наряду с отставанием традиционных институтов социализации от темпов социальных изменений, кризисом института брака и семьи, повышенной адаптивностью подростков к бытовым техническим новшествам, удлинению переходного возраста порождает феномены тинейджерских субкультур, для которых общим мировоззрением стал инфантилизм.

Существует соблазн объявить инфантилизм социальной болезнью поколения, как это сделали Ю.Н. Давыдов и И.В. Роднянская в своем классическом исследовании молодежных контркультур 60-70-х гг. XX в., тем более, что за пределами индустриально развитых обществ северного полушария сколько-нибудь масштабных проявлений подростковых субкультур не наблюдается, а сроки социального взросления на «бедном юге» почти совпадают со сроками достижения физиологической зрелости. Но само общество позднего модерна не в состоянии предложить подросткам социально привлекательной альтернативы «досугово-потребительскому» стилю

жизни, воплощенному в тинейджерских субкультурах. В лучшем случае их воспринимают более терпимо, чем субкультуры политических радикалов. В итоге переходный возраст сегодня представляет собой пограничное существование, растянутое во времени. Такое существование вызывает кризис идентичности, а значит, и естественную попытку преодолеть его путем создания новой идентичности.

Инфантилизм, как реакция на пограничное существование, не исчерпывается возрастными феноменами тинейджерских субкультур. В переходном состоянии почти четверть века пребывает российское общество и государство. Налицо фундаментальная неопределенность социального бытия, при которой идентичность оказывается либо частной (город, регион, этнос), либо негативной (не Европа, но и не Азия; не «богатый север», но и не «бедный юг»; не демократия, но и не диктатура и т.п.) Неопределенность пограничного существования вызывает в сознании значительной части наших сограждан когнитивный диссонанс, при котором общие представления о пространстве-времени бытия российского общества, внушаемые, например, средствами массовой информации, опровергаются опытом повседневности. Этот эффект тем сильнее, чем более ограничивается независимость СМИ в современной России и чем более информационная функция многих отечественных СМИ на практике замещается функцией пропаганды. Само содержание официальной пропаганды представляет собой смесь стереотипических установок времени «холодной войны» с идеями «теории официальной народности» и даже с ценностями времен «Домостроя». Представители властвующей элиты современной России неоднократно заявляли о своей приверженности идеологии «сострадательного консерватизма», которая, впрочем, является продуктом эволюции политической мысли США на рубеже XX и XXI веков. Между тем консервативное мировоззрение, как правило, органично вытекает из национального исторического опыта и поэтому, в отличие от либеральной идеи, не может быть механически заимствовано извне. Современный «стихийный» консерватизм российского массового сознания питается ностальгией по стабильности и предсказуемости жизни в «позднем» СССР, конспирологическими традициями советской контрпропаганды и связанной с этими традициями ксенофобией. На этом фоне Конституция Российской Федерации, с ее основополагающим положением «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [11], оказывается не выражением гражданского консенсуса, а манифестом относительно небольшой части российского общества, явно диссонирующим с настроениями репрезентативного большинства. Сама Конституция содержит в себе логическое противоречие: одна из диспозиций статьи 13-й («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной») [11] опровергается определенным, сугубо либеральным характером всего основного закона. Справедливо заметить в связи с этим, что либеральная идеология не предлагает удовлетворительного решения вопроса о соотношении индивидуальных прав и свобод личности с коллективными правами народа, хотя и

те, и другие признаны как в международном гуманитарном праве, так и в праве современных государств. Но констатация этого факта не уменьшает масштабов проблемы, с которой столкнулось современное российское общество: в общественном сознании востребована модель не просто патерналистского государства, каковым был Советский Союз, а модель древневосточного патриархального государства, выстроенного по образу и подобию расширенной семьи. Глава такого государства персонифицирует верховную власть отца народа, его защитника и спасителя. При такой ориентации сознания всякая попытка напомнить о букве и духе Конституции третируется как русофобия, а всякая попытка критики действий главы государства воспринимается как подрывная деятельность.

Описанная ситуация превращает инфантилизм из особенности переходного возраста в проблему всероссийского масштаба. Популярным увлечением граждан современной России стали исторические реконструкции, причем нередко они воспринимаются их участниками как образ жизни. Однако массовые увлечения религиозными практиками (на обрядовом уровне), дворянской геральдикой или романтикой казачьего быта производят в большей степени впечатление игры, замещающей реальность, чем самой реальности. Это впечатление усиливается тем обстоятельством, что многие из указанных реконструкций явно далеки от оригинала. Да и возможно ли воскрешение оригинала в действительных обстоятельствах XXI столетия? Скорее, все это напоминает «постмодернистскую чувствительность» с ее симулякрами, замещающими действительное желаемым и вообразимым. Впрочем, к симулякрам стоит относиться серьезно, ведь, согласно теореме Томаса, «то, что люди воспринимают как реальность, реально по своим последствиям».

Описанный выше феномен нидерландский культуролог Й. Хейзинга назвал *пуерилизмом*. Этим понятием он объединил сферы деятельности, в которых человек сегодня, прежде всего в качестве того или иного организованного коллектива, ведет себя как бы по мерке отроческого или юношеского возраста. При этом Хейзинга отрицает игровую природу пуерилизма: «Ребенок, который играет, не ребячлив. Он становится ребячливым, когда игра ему надоедает или когда он не знает, во что играть» [18]. Кризис идентичности, присущий пограничному существованию, как раз и задает ситуацию «незнания, во что играть». Следовательно, коллективное социальное действие, имеющее внешние признаки городского карнавала, на самом деле, далеко от карнавального в сознании самих агентов. Для них оно поиск смысла коллективного бытия в условиях утраты ориентации в социальном пространстве-времени.

Пограничье питает и стимулирует маргинальное сознание, то есть идентификацию с краем жизненного пространства. Впрочем, в обществе переходного времени маргинальное сознание присуще большинству индивидов и групп, поскольку трансформация социальной структуры порождает текучесть социальных границ. Маргиналами в России являются сельские жители, причем они стали таковыми задолго до распада СССР, в ре-

зультате деградации сельской культуры и массовой миграции сельчан в города. Маргиналами являются и горожане в первом поколении, поскольку они вынуждены адаптироваться в непривычную и чуждую им жизненную среду. Эти явления советского периода нашей истории породили целое направление отечественной художественной литературы – «деревенскую прозу». Маргинален рабочий класс: он оказался лишен такого важного идентифицирующего признака, как положение «ведущей революционной силы современной эпохи и опоры советского общества». Уже в последние десятилетия существования советского общества статус рабочего приобрел амбивалентный смысл. Официальное воспевание «рабочего человека» дополнялось отношением к учащемуся профессионально-технического училища как к явному аутсайдеру, что никак не способствовало сохранению престижа рабочих профессий. Повсеместное переименование ПТУ в «лицей» и техникумов в «колледжи», осуществленное в 90-е годы прошлого столетия, ничего не изменило в социальной оценке рабочих специальностей, а снижение уровня жизни лишь закрепило в рабочем классе самосознание класса-аутайдера.

Маргинален формирующийся, вот уже четверть века (!), класс российских предпринимателей. Ключевым фактором маргинальности «нуворишей» является отсутствие в России слоя потомственной аристократии и бизнес-элиты вследствие их истребления в период революции и гражданской войны начала XX века. Отсутствие культуры отношения к достатку, характерной для потомственных богатых, выражается в безудержном «демонстративном потреблении» и его культивировании средствами массовой информации. Естественной реакцией на это является раздражение малоимущих и закрепление в массовом сознании стереотипа «неправедного богатства».

Комплекс «отщепенчества», присущий самосознанию российской интеллигенции, убедительно описан авторами сборника «Вехи» в 1909 г., и с тех пор упоминание о нем, как об атрибутивном признаке интеллигентского сознания, стало общим местом философской, социологической, а тем более, художественной литературы.

Крах идеологемы «новая историческая общность – многонациональный советский народ», порожденный распадом СССР и кровавыми этническими конфликтами на территории бывшего союзного государства, породил вакуум политико-государственной идентичности не только на территории современной России, но и на территориях независимых государств, бывших республиками в составе Советского Союза. У этой проблемы есть два измерения – национально-государственная идентичность так называемых «титulyных» народов и национально-государственная идентичность этнических меньшинств. Дефицит последней особенно остро ощущается русскоязычными меньшинствами. Парадоксальным образом русскоязычные общности на территориях бывших союзных республик сохраняют идентичность, близкую к советской. Впрочем, парадокс здесь кажущийся. Дело в том, что трудности адаптации к социально-политическим реалиям

новых государств обусловили консервацию привычных ориентаций, а неосведомленность в масштабах и характере перемен, происшедших в российском обществе вместе с настороженным отношением многих россиян к переселенцам из ближнего зарубежья, порождают боязнь подвергнуться новой дискриминации на территории Российской Федерации. В итоге неопределенному будущему в России представители русскоязычных меньшинств предпочитают жизнь этнолингвистических маргиналов на своей малой родине. Так, в странах ближнего зарубежья сохраняются анклавные советской культуры, один из которых – Приднестровская Молдавская Республика – является к тому же непризнанным государственным образованием.

Поиск новой исторической и политической идентичности в России только на поверхностный взгляд может показаться менее драматичным, чем в молодых государствах СНГ и Балтии. Уже первый опыт постсоветского существования продемонстрировал непригодность для России модели nation-state, исторически сложившейся в Европе и Америке. Термин «национальный» в применении к государству, государственным интересам, государственной политике остается непонятным и неприемлемым для общественного сознания россиян в контексте, присущем сознанию европейцев. Ни у кого не вызывает возражения высказывание: «Шарль Азнавур – великий французский шансонье армянского происхождения». Но вряд ли среднестатистический гражданин современной России согласится считать Махмуда Эсамбаева «великим русским танцором чеченского происхождения», а Чингиза Айтматова «великим русским писателем киргизского происхождения», хотя последний создавал свои романы как образцы именно русскоязычной прозы. Примечательно, что исторических деятелей прошлого мы без напряжения воспринимаем как русских без учета их этнического происхождения. Например, не вызывает возражения оценка В. Беринга и Ф. Беллинсгаузена в качестве русских мореплавателей, а М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратиона в качестве выдающихся русских военачальников. Эти примеры свидетельствуют, помимо прочего, о тщетности и утопичности попыток реконструировать имперское сознание и соответствующую идентичность, которые, впрочем, в досоветский период отечественной истории были достоянием лишь сравнительно небольшой части общества. В настоящее время приходится констатировать тот факт, что эквивалента, равноценного прежнему понятию «советский», в современной России не найдено.

Коллективные представления о месте России в мировом пространстве-времени крайне противоречивы. Реальность постсоветского пространства такова, что Россия остается крупнейшим по территории государством мира с самой большой протяженностью внешних границ. Но, в сравнении с СССР, постсоветская Россия оказывается как бы вытесненной на северо-восток Евразии, а доля малонаселенных и почти не освоенных в хозяйственном отношении земель превышает две трети общей территории страны. Население страны сконцентрировано, главным образом, на западе и юго-западе. Восточнее Урала относительно заселенное и освоенное пространство сосредоточено вокруг Транссибирской магистрали и на юге

Дальнего Востока. Неразвитость инфраструктурных связей между компактным западом и протяженным востоком сформировала у жителей востока сознание островитян, для которых поездка «на материк» почти равнозначна кругосветному путешествию. Как следствие, являясь географически тихоокеанской державой, Россия, в сравнении с США, Китаем и Кореей, по-прежнему остается периферией азиатско-тихоокеанского региона. Между тем русское население страны склонно идентифицировать себя, скорее, с западной, европейской, чем с восточной, азиатской, культурой. Евразийская парадигма в поиске новой идентичности остается привлекательной лишь для некоторой части интеллектуальной и политической элиты. Сама отечественная система образования, и общего, и среднего, исторически ориентирована на воспроизводство европейских форм и стилей мышления. Восточная, в частности, китайская мудрость для большинства россиян остается экзотикой. Враждебное отношение к традициям европейского либерализма, насаждаемое в массовой аудитории государственными СМИ и щедро приправленное бытовым антисемитизмом, не отменяет подспудной привычки среднего образованного русского мыслить категориями европейской культуры, усвоенными в школе. Отсюда – амбивалентность в отношении к Европе, которая по-прежнему воспринимается в качестве культурного образца, но при этом, в лице европейского сообщества, раздражает своей отчужденностью и нежеланием считать Россию своей организационной частью. Европа воспринимает себя не как географическое, а как культурно-историческое целое. И граница этого целого проходит не по Уралу, а по Западному Бугу и Неману. Н.Я. Данилевский описывает реакцию общественного мнения европейских стран на ход Крымской войны 1853-1856 гг. следующим образом: «Каждый успех, одержанный не только западными державами, но даже и турками, праздновался везде как успех общего дела всей Европы» [5]. События последних недель заставляют предположить, что в отношении Европы к России за прошедшие сто шестьдесят лет ничего принципиально не изменилось. Раздражение Европой оборачивается ненавистью к «хипстерам» и «креаклам», то есть к представителям городских субкультур, репрезентирующих европейский стиль жизни. И те, и другие представляются участниками социальной инсценировки не в меньшей степени, чем «казаки» или православные активисты. Впрочем, объектом раздражения, перерастающего в ненависть, являются не только европейцы и подражающие им представители «креативного класса». Те же чувства значительное число жителей России испытывают к выходцам из регионов мусульманского юга, включая своих сограждан из республик Северного Кавказа. Налицо стремление массового сознания отгородиться от неславянских территорий юга страны социокультурной границей, аналогичной границе европейского сообщества, упомянутой выше. Так изоляционизм по отношению к Югу и Востоку уживается с комплексом неполноценности по отношению к Западу.

Представляется, что социокультурные и этнокультурные конфликты, подпитывающие радикальный национализм в современной России, явля-

ются, в некотором роде, выраженным вовне внутренним конфликтом. Этот конфликт, вызываемый привычкой мыслить по-европейски, а чувствовать по-русски, в общем, не представляет собой загадки для исследователей. Именно его определяют как «когнитивный диссонанс» или как «кризис идентичности». Являясь свойством индивидуальной психики, он в той или иной степени охватывает значительную часть россиян, если не все общество. Кризис идентичности, проявляющийся в пространственно-временной ориентации по линии Запад – Восток, порождает поле напряжения, очерченное *смысловыми оппозициями*: столица – провинция, центр – периферия, цивилизация – варварство, Европа – Азия. Поиск новой идентичности осуществляется путем инверсии смыслов, при которой уязвляющая принадлежность к варварской периферии истолковывается как достоинство. Такого рода инверсия восходит к руссоистской традиции противопоставления «благородного дикаря» безнравственному «белому человеку», испорченному цивилизацией. В этом случае антиномия «цивилизация – варварство» трансформируется в антиномию «цивилизация – культура», известную по трудам К.Н. Леонтьева, Л.Н. Толстого, О. Шпенглера. По логике этих мыслителей, цивилизация – фаза вырождения и смерти культуры, в которой живая традиция уступает место мертвой форме, а затем разрушается и сама эта форма. Так в общественном сознании воспроизводится далеко не новый миф о Западе как воплощении заката человечества, его вырождения.

Переоценивать глубину указанной инверсии в массовом сознании, вероятно, не стоит. Все-таки «массовый» русский человек привык ассоциировать себя с «белым европейцем», по крайней мере, в сравнении с выходцами из Азии и Африки. В сознании юного национал-радикала, не отягощенном сколько-нибудь связными представлениями о новейшей истории, вряд ли возникает мысль о неполноценности «славянской расы» (с точки зрения официальной расовой доктрины германских нацистов). Да и в целом «массам» присуще не столько рефлексивное, сколько импульсивное сознание и действие. Инверсионное мышление нередко демонстрируют участники дискуссий о взаимоотношениях России и Запада в печатных СМИ, на телевидении и на интернет-форумах. Сам инверсионный стиль обсуждения превращает такие дискуссии в агрессивные и бескомпромиссные языковые войны. Таким образом, кризис идентичности воплощается в дискурсе, а проблема границы приобретает языковое измерение.

Авторы не исключают возможность возражений по поводу второстепенной роли языка в определении социальных границ и социально-политической идентичности. Действительно, можно вспомнить, например, что социокультурное и политическое самоопределение швейцарцев не страдает от наличия в Швейцарии четырех государственных языков. Однако можно привести и массу обратных примеров. Язык, являясь интегративным компонентом культуры, функционирует в качестве естественного маркера межкультурных границ и одновременно в качестве естественного средства социальной коммуникации. Первые признаки дезинтеграции

СССР проявились не в экономических отношениях, как об этом принято судить в рамках прежней, марксистской по происхождению, парадигмы «общественно-экономических формаций» и «способов производства». Как раз экономические связи на пространстве СССР стали распадаться уже после распада государства, а некоторые из них сохранялись и в постсоветскую эпоху. Дезинтеграция началась в сфере межэтнической коммуникации с «войны языков», которая приобрела не метафорический, а буквальный смысл. В советском Казахстане зарождался и развивался внутриэтнический конфликт между сельскими жителями, говорящими на казахском языке, и горожанами, большинство из которых изъяснялось по-русски. Этот внутриказахский конфликт по своей остроте и интенсивности ничуть не уступал бытовым конфликтам, периодически возникавшим между этническими группами многонациональной республики. Со второй половины 80-х годов прошлого века этнолингвистические противоречия перешли в сферу политических отношений. Провозглашение гласности и демократизация системы государственного управления в республиках СССР способствовали трансформации латентного напряжения в межэтнических отношениях в открытое противостояние, что привело к принятию Верховными Советами союзных республик законов о государственном языке, интеграции «титульных» этносов и этнических меньшинств, соответственно, в Национальные и Интернациональные фронты. Таким образом, коммуникативные трения были манифестированы в политические программы суверенизации, в основе которых практически отсутствовали мотивы экономического прагматизма. Затем последовали распад единого политического пространства и, как следствие, разрушение экономических связей.

Безусловно, правы те, кто связывает распад Советского Союза и социалистической системы с неспособностью самой этой системы эффективно ответить на вызовы постиндустриальной эпохи, а также с амбивалентной моделью национально-государственного строительства и внешней политики большевиков, в которой универсализм коммунистической идеи сочетался с поддержкой права национальных меньшинств на территориальное и культурное самоопределение, причем борьба народов за самоопределение использовалась в целях идеологической и геополитической экспансии. Тем не менее конфликты на почве языка и истории оказываются вполне самостоятельным фактором политической дезинтеграции и возведения новых государственных границ, как показывает опыт Эфиопии, Югославии, Чехословакии, Судана, наконец, события, происходящие в Украине, Испании и Великобритании.

Анализ той роли, которую играет коммуникация в формировании новых представлений о границе, приобретает особую остроту на рубеже тысячелетий. Стоит начать такой анализ с уточнения понятия «граница» в его буквальном политико-географическом смысле.

Международный конфликт, возникший в настоящее время в связи с вопросом об отделении Крыма от Украины, заставляет вспомнить дискуссию о природе государственных границ, развернувшуюся после окончания

Первой мировой войны. Эта дискуссия интересна еще и тем, что, в отличие от борьбы за послевоенные границы в 1945 г., она не осложнялась идеологическим противостоянием сторон. Камнем преткновения в споре о природе государственных границ в период, последовавший за Первой мировой войной, стали разногласия в международно-правовой и геополитической трактовке границы. Как показывают события начала XXI века, этот спор еще далек от завершения. С точки зрения представителей держав-победительниц в войне, наиболее ярко выраженной президентом США В. Вильсоном, международно-правовое оформление государственных границ и соглашение об их неизменности в рамках универсальной международной организации, каковой должна была стать Лига наций, являлись прочной гарантией международной безопасности. Представители немецкой школы геополитики, напротив, утверждали, что граница – динамичный организм, который сложно, если вообще возможно, конструировать исключительно средствами права. Полемически заостренную дефиницию дал О. Мауль, определив границу как перерыв между двумя силовыми ситуациями. Но, пожалуй, наиболее фундаментальное исследование природы государственных границ принадлежит перу К. Хаусхофера. В своей работе «Границы в их географическом и политическом значении» он определил границу как периферийный орган государства, подвижную грань между его «эйкуменой» и «анэйкуменой», двойственную по своей природе [17]. Граница выполняет защитную и коммуникативную функции, являясь местом не только разделения, но и встречи жизненных форм. Органическое восприятие границы восходит к тем временам, когда даже в Европе не существовало демаркационных линий (они появились на заре индустриальной эпохи вместе с представлением о государстве как о «*stato*», то есть политическом состоянии нации, зафиксированном в физическом пространстве посредством юридических норм). Проводя параллель между рассуждениями Хаусхофера и представлениями о границе, бытовавшими в нашей истории, вспомним о термине, которым обозначались границы в древней Руси. На Руси границы назывались *краями*, а пограничные территории – *украиной* (например, Ростово-Суздальская земля – Залесская Украина). Вряд ли оправданно интерпретировать современное восприятие Украины как государства – архетипическим образом украины в сознании российских граждан, хотя влияние такого образа и не стоит исключать совсем. В рассуждении о границе как о крае-анэйкумене представляется важным органицизм, проецирующий на государственную границу образ не столько статичной разделяющей линии, сколько *динамичного поля контактов* и общения. В этой связи архаичные представления о границе получают нетривиальную трактовку в свете возникновения сетевого общения в информационном обществе.

Становление сетевой коммуникации, обусловленное тем, что М. Кастельс назвал информационно-технологической революцией [9], привело к глобализации информационных потоков и, одновременно, к локализации участников информационного обмена в физическом пространстве. Если

для установления контакта с представителями иной социокультурной и языковой общности в периоды, предшествующие информационно-технологической революции, необходимо было преодолеть расстояние до некоего территориального предела (что требовало и некоторого времени для перемещения на соответствующее расстояние), то теперь межкультурная коммуникация зачастую осуществляется в пространстве интерактивных сетей, которое расширяется до масштабов «глобального города». Время коммуникации является только функцией скорости информационных потоков, определяемой мощностью системного блока и качеством услуг провайдера. Следствием сетевого общения становится реорганизация пространства и времени, которая влечет с необходимостью трансформацию как самих границ, так и представлений о них в индивидуальном и коллективном сознании. Развитие занятости через телекоммуникации, дистанционного обучения и электронной коммерции сокращает частоту и интенсивность физических контактов индивида и, следовательно, необходимость его передвижений в физическом пространстве. Возможности, предоставляемые электронными средствами коммуникации, наоборот, расширяют масштабы межличностных контактов. По мнению Кастельса, сетевая реальность стимулирует образование мегаполисов новой конфигурации, а именно, виртуальных объединений из множества городов, население которых связано регулярным взаимодействием в электронных сетях. Сочетание «глобальной включенности» с «локальной исключенностью» интеракций делает такие мегаполисы новой городской формой. В итоге социальное пространство из совокупности статусов превращается в пространство потоков, то есть «целенаправленных, повторяющихся, программируемых последовательностей обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»[9]. Сетевая реальность трансформирует и время, создавая новую темпоральность интерактивных контактов, видеорядов, сюжетов, для которой обычны синхрония и произвольное манипулирование временем в интересах производителей информационного продукта либо по желанию потребителей. Так возникает «вневременное время», по терминологии Кастельса, а человек, вовлеченный в пространство потоков, утрачивает способность (или необходимость?) разграничивать события на прошлое, настоящее и будущее. Физическое «здесь и сейчас» неожиданным образом сопрягается с виртуальным «везде и всегда», вызывая у человека, локализованного в домашнем или офисном интерьере, ощущение безудержной экспансии в виртуальном пространстве-времени. Реакцией на это парадоксальное состояние оказывается усиленный поиск идентичности, свидетелями и участниками которого мы являемся в современной России.

Литература

1. Андрусенко В.А. *Социальный страх (опыт философского анализа)*. Свердловск, 1991.
2. Бахтин М.М. *Собрание сочинений: в 7 т. М., 1996. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. 957 с.*
3. Гегель Г.В.Ф. *Сочинения: в 14 т. М., 1938. С. 334-341.*
4. Гегель Г.В.Ф. *Наука логики: энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1970. Т. 1. 452 с.*
5. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа. М., 1991. С. 21.*
6. Дарендорф Р. *Элементы теории социального конфликта. М., 2007. С. 2.*
7. Зинченко В.П. *Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6.*
8. Ишкова М.А. *Феномен границы в детерминации активности ребенка. Орск, 2006. 159 с.*
9. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. URL: <http://www.gumer.info>*
10. Козер Л.А. *Функции социального конфликта. М., 2000. С. 58.*
11. *Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ). М., 2014.*
12. Куликова Т.В. *Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы: автореф. дис. ...канд. философ. наук. 2011.*
13. Лефевр В.А. *Конфликтующие структуры. М., 2003. 158 с.*
14. Петровский В.А. *Человек над ситуацией. М., 2010. 559 с.*
15. Тотьянин Н.Д. *Основные аспекты политической культуры и социализации американцев // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1. С. 38.*
16. Фихте И.Г. *Основа общего наукоучения: соч. в 2 т. СПб., 1993. Т. 1. 687 с.*
17. Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 28-29.*
18. Хейзинга Й. *Ното ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 231.*
19. Шарп Д. *Типы личности. Юнговская типологическая модель. М., 2008. 288 с.*
20. Ясперс К. *Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 111-112.*